

щиеся словари и грамматики очень часто не отвечают этой задаче, хотя без ее выполнения говорить об адекватном моделировании языковой системы не приходится.

Разумеется, автор рецензии, не будучи специалистом в фуланистике, не в состоянии оценить достоинства (и недостатки) монографии "изнутри". Но Коваль и Нялибули, надо думать, сознательно отделили в названии книги ее общетеоретическую направленность. Соответственно по поводу двух вопросов, сформулированных в начале рецензии, можно сказать, что авторы умело использовали положения современной типологии для анализа языка фула и существенно обогатили типологию закономерностями, установленными на материале этого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Касевич В.Б. 1992 – Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1992.
- Чейф У. 1982 – Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. и общ. ред. А.Е. Кибрика. М., 1982.
- Mallinson G., Blake B. 1981 – Language typology: Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
- Sells P. 1985 – Lectures on contemporary syntactic theories: Introduction to government-binding theory, generalized phrase structure grammar, and lexical-functional grammar. Stanford, 1985.

В.Б. Касевич

W. Boryś, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. T. II. D – J. Slawistyczny ośrodek wydawniczy, Warszawa, 1997. 361 s.

В рецензии на первый том данного словаря [Варбот 1997] уже отмечалось, что этот труд достойно продолжает серию славянских этимологических словарей, являющуюся убедительным свидетельством расцвета славянской этимологии во второй половине XX века. Но особое значение рецензируемого словаря (SEK) определяется тем, что это первый славянский диалектный этимологический словарь, который знаменует собою новый этап в истории славянской этимологической лексикографии.

Включение диалектной лексики в этимологический словарь литературного языка как материала, необходимого для этимологизации его словника, и в этимологический словарь международного языка в качестве самостоятельных словарных позиций, необходимых для полноты его историко-культурного представления, является давним и общепринятым методом использования диалектизмов в этимологической лексикографии. Примечательно, однако, что даже известный теоретик этимологии Я. Малькель, анализируя принципы организации этимологических словарей и их типологию, усмотрел в качестве основания для создания этимологического словаря преимущественно на базе диалектных (устных) материалов лишь две языковые ситуации: ограниченность грамотности и использование в письменной коммуникации другого языка или диалекта [Malkiel 1976: 75]. В этом

теоретическом контексте особенно рельефно обнаруживаются успехи славянской этимологической и диалектной лексикологии и лексикографии, которые подготовили фундамент для создания диалектного этимологического словаря как особого вида этимологической лексикографии, и заслуги авторов SEK – В. Борыся и Г. Поповской-Таборской, впервые сформулировавших и успешно решающих задачи словаря этого типа.

SEK – дифференциальный словарь, объектом анализа в котором является лексика, отличающая кашубский диалект (точнее, поморские, словинские и собственно кашубские говоры) от литературного польского языка. Соответственно этимологизация этого массива кашубской лексики не только дает ценные сведения относительно генезиса и истории лексического фонда польского и праславянского языков (для реконструкции и этимологизации которых кашубский материал и ранее широко привлекался), но и выявляет генетические характеристики лексики собственно данного диалекта, ее отличие от лексики общенародного языка, специфику ее связей в славянском континууме. Очевидно, такая постановка вопроса актуальна для этимологической лексикографии многих славянских языков, имеющих хорошо разработанный диалектный лексический материал.

Как и в I томе SEK, составление статей во II томе распределено между авторами: авторство статей на начальные *d, ž, e, é, ě, h* принадлежит Г. Поповской-Таборской, на *f, g, x, j* – В. Борулю (приблизительно в равных по листажу объемах). Качество начальных звуков лексем, входящих в словник этого тома, определяет, вероятно, в значительной степени решительное преобладание среди них германизмов (особенно на *d, f, h*). Поскольку, однако, доля их была велика и в I томе, следует признать, что специфические заимствования из немецкого языка (особенно из ниже- и средненемецкого диалектов) составляют существенную особенность кашубского в сравнении с литературным польским¹. При этом широко представлены заимствования, относящиеся к сфере морского рыболовства, его условий (орудий, объектов лова, погоды и т.п.), например: *devel* ‘вид рыбы, Stromkarpfen’, *glapa* ‘родлеца’, *grětīs* ‘мелкий лед в море’, *gronōvc* ‘род рыбацкой сети’, *grōv* ‘блесна’, *kāfel* ‘развилка у весла’, *hafla* ‘устье реки’, *jejinga* ‘прилив и отлив на море’. Однако весьма много заимствований и в других лексико-семантических группах, не связанных непосредственно с обитанием в Поморье и рыбным промыслом, например: *hinga* ‘занавеска на двери’, *hevelta* ‘деталь кросен’, *hupa* ‘куча’, *huva* ‘старый чепец’, *χlabester* ‘толстяк’, *jeblotac* ‘болтать’.

При заимствовании нередко происходят семантические изменения, например: *hejster* ‘дятел’ < нем. диал. *hāster, heister* ‘сорока’; *dera* ‘сухотка, чахотка, астма’ < нем. диал. *dōhr* ‘сухой’; *dēblēc* ‘скупиться’ < выделять, давать’ < нем. диал. *dubbelt, dapno* ‘грустно’ < нем. *dāmpfen* ‘притушить, затемнить’; *gilda* ‘беспорядок в хозяйстве, бедность, нужда’ < ‘цех’ < нем. *Gilde*; *gelōn* вульг. ‘нос’ (!) < нем. диал. *Geliūn* ‘нос корабля’. Очень интересный случай изменения значения при заимствовании немецкого слова под влиянием семантики исконных лексем представляет *filaks* ‘грязь на дорогах, особенно торфянистых; жидкое масло’: в качестве источника заимствования предполагается нем. *Phylax* ‘сторож’ > ‘личка собаки’, которое в кашубский было усвоено как

апеллятив со значением ‘собака’, а свидетельствованные значения приобрело вследствие негативных коннотаций обозначений этого животного, что обнаруживается, например, в *pes* ‘ненастье, метель, слякоть’, *psē* ‘тучи, предвещающие дождь’.

Структурное освоение заимствований часто сопровождается в глаголах суффиксацией – суф. *-ovac* (см. *-flišovac, fudrovac* и под.); см. также оформление типа *drēmni* ‘сильный, крепкий’ < нем. *drumm* – с суф. *-ni* и *drēvuš* ‘упрямец’ < нем. диал. *dräven* ‘крыть’, обнаруживающее актуальные кашубские модели. Интересный случай усеечения заимствования (понятого, возможно, как сложение) представляет *felka* ‘картофель’ < нем. *Kartoffel*.

При весомости заимствований естественно внимание к проблеме непосредственного источника каждого заимствованного слова и его вариантов: ср. *halva* ‘поллитровая бутылка водки’ < н.-нем. *halve*, но *halba* < в.-нем. *halbe*. Для подобных вариантов, являющихся параллельными заимствованиями генетически тождественных слов из разных немецких диалектов, предпочтительной представляется если не разработка каждого варианта в самостоятельной статье, то хотя бы представление отсылкой в словнике (ср. помещение в статью *fātka* вариантов *fasa, faska*, хотя в SEK встречается и разработка фонетических вариантов в отдельных статьях, см. *gr qzlāk* и *krqslāk*).

Используя в толковании генезиса заимствований версии предшествующих исследователей (особенно Ф. Хинце), авторы нередко и корректируют их решения, предлагая собственные убедительные толкования: см. объяснение *gvačēc* ‘размешивать еду ложкой, копаться в еде’ < нем. *quetschen* ‘давить’ (при ранее предложенном возведении к нем. *quatschen* ‘тонуть (в болоте)’), *gvāt* ‘мелочь’ < нем. *Gewöll(e)* ‘отрыжка непереваренной пищи у хищных птиц’.

Подавляющее большинство заимствований восходит к немецким диалектам. Есть, однако, и свидетельство более древнего заимствования из германских языков: это собственно кашубское образование *χqšba* ‘кража’, толкуемое как производное от утраченного глагола **χqsić < *χqšiti*, восходящего к гот., др.-в.-нем. *hansa* ‘толпа’.

Отношения заимствования между кашубским и немецким были двусторонними, но кашубизмы (или славянизмы) в немецком могут быть отражены в словаре лишь в

¹ Некоторая аналогия этому состоянию наблюдается в русских говорах Сибири, для лексик которых весьма существенной и специфической составляющей оказались заимствования из языков аборигенов (см. [Аникин 1997]).

случае обратного их заимствования из немецкого, типа слав. **dēža* > нем. диал. *däse* > словин. *dejza*.

Большая часть немецких заимствований, включенных в SEK, засвидетельствована и в других польских диалектах, хотя иногда в отличной от кашубского форме, вследствие заимствования из разных немецких диалектов. Такие различия представлены и для некоторых соответствий – заимствований в кашубском и литературном польском: ср. каш. *harłufa* ‘картофель’ при польск. литер. *kartofel*. Польский литературный язык и его диалекты выступают посредниками в усвоении кашубским лексикой других языков: см. *fât* ‘большой кусок хлеба, мяса’ < польск. диал. *fałat* ‘кусок, часть’ < венг. *falat* ‘кусок (пищи)’; *farfot*, во мн. ‘лохмотья’ < польск. диал. *farfoi* ‘обрезки ткани, лохмотья’ < исп. *farpado* ‘бахромчатый’. Иногда из польского были заимствованы и собственно славянские лексемы, см. *żąd* ‘старик, нищий’, *ząd*, *ząd* ‘жнец, сжавший последний колос; последний сноп’ и т.п. < польск. *dziad* < праслав. **dēdъ* (при преимущественном функционировании в качестве термина родства кашуб. *stark*, *stari tat*, *lółk*, *opa*, *opara*, *grósk* – см. [SEK, II: 109]).

В SEK учитываются различные типы иноязычного влияния на кашубскую лексику, в том числе – калькирование немецких слов, но к последнему, кажется, напрасно отнесены словин. *dřevina* и *dřevizna* ‘столярка – предметы или их части, сделанные из дерева’ (толкуется в SEK, как калька нем. *Holzwerke*), поскольку в словинском представлено не сложение, как в немецком, а суффиксальные образования, причем соответствия для *dřevina* и в русских говорах представляют близкие значения: ср. *дереви-на* арханг. ‘опорная доска и столбики в мялке’, тюмен., свердл., новосиб. ‘деревянная часть какого-либо приспособления, орудия и т.п.’ [ЭССЯ, 4: 210].

Отличия исконной кашубской лексики, включенной во II том SEK, от лексики литературного польского языка в значительной степени обусловлены утратой слов (или значений) в современном польском, тогда как в памятниках они еще сохранялись и нередко функционируют в других польских диалектах или даже в литературном языке в словообразовательно-отличной форме, например: *dobrotni* было известно польскому еще в XVII в.; в соответствии с каш. *gurgotac* есть польск. диал. *zgurgotać*. Соответственно представленная в SEK кашубская лексика

демонстрирует много общих с польским праславянских архаизмов и диалектизмов: см. *jadro* ‘сесть’ (< праслав. **ēdro*), *jaśc* ‘барсук’ (< **ēzvъсь*), *jesora* ‘рыбья кость’ (< **esera*), *gana*, *gánba*, *χlqđ* ‘сухая трава, будылье’ (< **chlqđъ*), *dojka* ‘кормилица’, *gârcel* ‘горло’ (к **grъbъ*), *grępa*, *grępa* ‘холмик, пригорок; куча’ (< **grępa*, наряду с **gręba*, представленным также в других славянских языках), *glomza* ‘творог; рохла, размазня’ (если к и.-е. **glēm-* ‘мазать, лепить’), *gręzc* ‘пить’ (< **gręziti*), *jaskri* ‘ясный’ (< **ěskrъ*, при **ěsknъ* в других славянских языках).

Вместе с другими диалектами польского кашубский преобразовал некоторые праславянские лексемы – см. *χοja* ‘сосна’ < **chvoja*; общими являются и многие новообразования на базе праславянизмов, например: *gardlęc* ‘душить’ – от *gardło*; *gulajka* ‘шарик’ – от *gula*; *χοva* ‘скот’ – от *χοvac* ‘хранить’.

Большой интерес для уяснения специфики кашубской лексики представляют кашубско-инославянские соответствия на праславянском уровне, не имеющие соответствий ни в истории польского языка, ни в других диалектах. Таковы *zegno* ‘молоки’ (< праслав. **degno* или **dęgno*), *dom’acni*, *drańa* ‘коготь’, *gliśc* ‘угорь’ (ср. чеш. *hlišt* ‘дождевой червь’), *gona*, *gono* ‘часть поля’, *grable* (при польск. *grabie*), *groχnqс* ‘бросить с шумом’, *grónic* ‘предостерегать’ (< **gorniti*, каш.-полаб.-луж. диалектизм), *grula* ‘свиноматка, старая свинья’ (при чеш. диал. *grulit*, слвц. *grúlit* ‘хрюкать’), *grużżęc sq* ‘коченеть от холода’ (при в.-слав. **gruždъ*), *guiořęc* ‘лепетать, болтать’, *χęjac* ‘падать (о снеге)’ и ‘убегать’ (< **chyjati*), *χlędnqс* ‘тонуть, плакать’ (< **chlędnqti*), *χοχór* ‘необрезанная живая изгородь’, *rozχolęc sq* ‘растегнуться’ (к **choliti*), *χvasč’č’vi* ‘жадный’ (ср. чеш. *chvaščivý*), *jaskac* ‘болтать, брехать’, *jačmę* (< **ęčъtu*), *jični* (< **ęčnъ*), *jemni* (< **jъmъnъ*). Ряд подобных кашубских соответствий для инославянских лексем существенно меняет лингво-географические характеристики праславянских слов: см. *dăcâ* (единственный рефлекс **daija* в зап.-слав. языках), *dępac* ‘клевать’ (< **dupiti*), *dęr* ‘упрямство’ (< **durъ*), *zerżlęc* ‘драть на полосы корни и гибкие стволы молодых деревьев’ (< **dřliui*).

В плане реконструкции семантики на праславянском уровне интересны архаичные значения кашуб. *gub* ‘складка’, *χarna* ‘сухая, негодная для корма трава’ (< **chorna*).

Особенно существенны и для генети-

ческой характеристики кашубской лексики, и для реконструкции праславянского лексического фонда эксклюзивные праславянизмы кашубского. Среди них преобладают семантические архаизмы типа *dpsac sq* 'подниматься (о тесте)', *godto* 'предзнаменование, новость, весть' (к **goditi*), *govařec* 'шуметь'. Архаизмом может быть и значение *dba* 'мнение', отмеченное в кашубском и кочевском диалекте: ср. гипотезу Махека о родстве праслав. **dъbati* с лат. *dūbāre* 'сомневаться' [Machek 1968: 112].

К числу специфических структур потенциально праславянского происхождения могут быть отнесены *guža* 'опухоль, волдырь' (< **guzja*) и *donqd* 'до того места, до тех пор' (< **do-n-qd*, с местоименным **nъ*, хотя здесь достаточно вероятно фонетическое развитие структуры польск. *doonqd* < **do onqd-*, ср. ст.-слав. *onqdu* и *do onqdě*, чеш. арх. *do onud*, сербохорв. *do onuda*, словен. *do onod*) (см. [ESSJaz, 2: 175, 528]).

Оригинальное развитие праславянского наследия в кашубском представлено также преимущественно в семантическом плане, например: *dār* 'пища, напиток', *dēdac* 'думать' и *dēdlēc* 'сделать, закончить' (к **dudati*), *dv/rńica* 'обширное поле возле усадьбы', *z/ažela* 'дылда' (< **dęglъ*), *gacęc* 'ставить забор, ограждение' (< **gatiti*), *g/acovac* 'сохранять, страховать' (к **gatiti*), *zagatac* 'загубить' (< **-gatati*, к **gaty*), *gvazdac* 'месить тесто; бродить по грязи, по снегу' (< **gvazdati*), *hojni* 'вежливый, учтивый' (< чеш. *hojný*), *χilac* 'убегать; поносить; жадно пить', *χilac sq* 'литься', (< **chyljati*), *jād* 'мелкий град, мелкий дождь, снежная крупа' (= *jād* 'яд'); сомнения автора о пути семантического развития *dęgac* 'много есть' на базе *dęgovac* 'бить', может быть, поможет разветвить семантическое аналогичное русск. просторечн. *напихаться* 'наестся'. Морфологические преобразования праславянских лексем определяются грамматическими тенденциями кашубского: см. *glistva* (переход а-основы в -ī-, характерный для сев.-зап. словин. говоров), *drapeřec* (< **drapežiti*, с подстановкой активного суф. -er-); *grónk* (вместо *gārnk*) и *grósc* (вм. *garsc*) – гиперграмматизм.

Что касается предполагаемых случаев фонетического преобразования (нерегулярного!) праславянских лексем в кашубском, то здесь особенно очевидна взаимозависимость этих предположений и этимологических отождествлений кашубских лексем с

праславянскими. Предполагаются, например, вторичная назализация – в случае *dąpla* 'болото' < праслав. **dupъla* 'яма' (с одновременным изменением значения), метатеза в *gruzdac* 'болеть, ныть, мезжить' < **druzgac* 'то же', озвончение согласного в *gurzel* 'наrost на корнеплодах' < *kurzel*, отклонения в рефлексации праслав. слоговых плавных в *dolgas* и *dolžena* 'человек высокого роста, дылда' < **dylg-*, изменение **h > v* в *χava* 'сухая ветка или сухойстой' < **chaba*, **sv > chv* в *χvřdac sq* 'чесаться, тереться' (при польск. *świąd* 'зуд', *świądzić* 'чесаться, зудеть'), отсутствие регулярной аффрикации **d* в *deba* 'вялый, безвольный человек' (если < **debelъ*), *dęža*, такое же предположение необходимо и для возведения *debra* 'глубокая долина, овраг' к **dъbr'a*.

Народноэтимологические преобразования, анализируемые во II т. SEK, интересны для истории и лексики, и народной культуры, особенно когда их объектом являются исконные слова: см. *zekc* 'коровья жвачка' (из *zegva* под влиянием *zekc* 'деготь', вследствие незнания реалий животноводства), *d/ēhica* 'глиняная миска; толстуха; тыква' (из **dojъnica* под влиянием *dēhā* 'тыква'), *gřmāl* 'шмель; гудящая игрушка' (из *čmel* под влиянием *gřmāc*), *do,s'evrńica* 'гусеница' (из *gqsevńica* под влиянием *dpsac*). Разумеется, обнаруживаются и результаты народноэтимологических преобразований заимствований: *dąb'ork* 'ведро из дубовых клепок' (из *vąb'ork* 'ведро' под влиянием *dąb*), *jelehic sq* 'спешить' (из нем. *eilen* под влиянием *jeléh*). Предполагаемое как источник для *h/ajduki* 'песчаные пространства, покрытые вереском и сосной' сближение нем. *Heide* 'луг' и венг. *hajduk* 'солдат' семантически не оправдано; правда, известно, что народная этимология провоцируется прежде всего немотивированностью слова-объекта и формальным сходством его с другим словом, часто при отсутствии семантической общности.

Собственно кашубские новообразования составляют незначительную часть словаря II тома SEK. См., например, *dphora* 'жадина, скряга', *galóna*, *galuna* 'великан' (ср. ст.-польск. *golemy*), *gñotto* 'пест', *gojca* и *gojik* 'знахарь', *gñela* 'лень', *goñas* 'гонец', *grąblec* 'морщиться, заскорознать', *gręza* 'мямля, копуша' (от *gręzc* 'грызть, докучать'), *χlastavica* 'дождь с молниями', *jadłoba*, 'горе,

беда, гнев' (от *jaditi*, к *jesc*), *jalo'vice* Ledum palustre, *ji'mě* plт. 'борьба' (от *jin'ncs* 'драться'). Авторы внимательно анализируют словообразовательные структуры новых лексем, выделяя специфические. Таковы обилие экспрессивных глагольных суффиксов: *gř/ebořec* 'кое-как резать' (от *gřebac*) и *g/atořec* 'щебетать' (ср. ст.-польск. *gatač*) – с суф. -or-, *d'ěrdořec* 'тащиться' (от *děrdac*) – с суф. -ol-, *duksac* 'хромать' (от *dukati*), *duskac* 'подбрасывать ребенка, пестуя его' (от **dusati*), экспрессивные именные суффиксы -dra в *guldra* 'недозрелый фрукт (особенно вишня)' (ср. польск. *gula*), *glabzdra* и *glómzdra* 'неопрятная женщина' (ср. польск. *glamza* 'мямля, копуша' и каш. *glamza* 'то же' и 'творог') и -da в *glomda* 'птичий помет' (ср. ст.-польск. *glan* 'слизь') и др., продуктивный суф. -aj в *hulaj* 'бездельник' (от украинизма *hulac*) и *has'ajc* 'туча, предвещающая дождь' (ср. *asac*, *hasac* 'ставить паруса'), инновационная суффиксальная последовательность -vc (> bc) в *gřebc* 'печка', редкий суф. -iga в *d'ěmiga* 'снежная метель', специфическая наречная структура *gřěb'iči* 'много' (к *gřěbi* 'большой', предположительно, с суф. -ičě из имени) и весьма проблематичные именные *gřězmac* 'кусочек, осколок' (ср. польск. *gruz* и **mak?*) и *hocmac* 'легкомысленный человек' (из *hoc* – междометия-выкрика в танце и -mac 'глупец'); наконец, специфические зауподобления типа *glugdac* 'бормотать (об индюках)', *grōždac* 'гугнить'.

Некоторые из кашубских новообразований связаны отношениями корневой или суффиксальной вариантности с соответствующими лексемами в польском литературном и диалектах: ср. каш. *govařec* – польск. *gwarzyć*, каш. *haber* 'хребтовая кость у птиц' – польск. *chabór* 'кость' (и чеш. *chabory*), *χ'amolēc* 'жрать' – польск. диал. *chamlać*.

Таким образом, во всех статьях рецензируемого тома SEK последовательно прослеживаются семантические и структурные соотношения кашубской лексики с польской, проводится хронологическая стратиграфия кашубских лексем, выявляется специфика кашубской лексики на разных хронологических уровнях, начиная с праславянского.

Разумеется, толкование генезиса такого обширного кашубского лексического массива определило не только включение в статьи словаря многих прежних этимологических разработок авторов, но и выдвижение новых решений. Помимо отмеченных выше в связи с рассмотрением различных

аспектов анализа, следует упомянуть толкование *grěča* 'нарост' < **grukja* (на базе н.-е. **greu-* 'сгибать, скручивать'), *gzuib* 'дитя' < **kzub* < *kozub* 'брюхо, долбленая бочка', *hāħac* 'болеть' < **axati*; очень убедительным представляется пересмотр праславянской этимологии глагола *gutorēc* < **gutoriti*, для которого предполагается образование от **gutati* (чеш. диал. *hútati* 'трубить в рог', н.-луж. *hutaś* 'кричать (о сове)' и др.) – при традиционной версии сложения **gu-* и **toriti*.

Некоторые этимологические версии можно было бы, кажется, подкрепить русским лексическим материалом: к толкованию -garac в *he zgarac* (на кого) 'не выносить (кого-либо)' (из (w)zgarac **гореть симпатией*) ср. русск. *разгораться*, *распалаться* – о любых страстях; см. также выше о *děgac* 'много есть'.

Относительно нескольких лексем различных хронологических уровней представляются предпочтительными другие этимологические толкования: *doł'aga* 'растяпа, недотепа', объясненное в связи с **dolati* (вслед за [SP, IV: 69–70]), все-таки вряд ли отделимо генетически от *tağ* 'сила, мощь', *taği* 'гибкий', а это предполагает исходное гнездо **lēgati* 'двигать' [Варбот 1972: 377];

gřēcec 'кое-как писать' может быть не заимствованием нем. *kritzeln*, а производным от *grěča* 'нарост' (ср. русск. просторечн. *навалать*, *накатать* 'кое-как написать');

gumac 'собирать, красть' и всю группу продолжений праслав. **gumati* преждевременно признавать экспрессивными образованиями; они естественно сопоставимы с ц.-слав. *гымати* *palpare* и **гъматати* (чеш. *hmatati*, польск. *gmatwać* и т.д. – см. об этой группе [Sławski 1952, I: 298]) и **гъмъziti* [Там же]; корень **гъм-/гъм-/гъм-* 'давить, бить' может быть родственным с **žeti*, **žymo* (подробно см. в статье автора рецензии "Вокруг славянского гумна" – сб. в честь 70-летия Вяч. Вс. Иванова, в печати);

для *giča* 'нарост, шишка, опухоль' более вероятно, чем контаминация *giža* и *grěča*, родство с **gukъ* (русск. диал. *гук* 'мыс', блр. *гук* 'росток', укр. диал. *гук* 'стрелка лука') и **гуьс / *гуьа* (чеш. *huča* 'капустная кочерыжка' и т.д., см. об этих группах в [ЭССЯ, 7: 169, 219]);

хотя *ħaħol* 'бедняк, бедный крестьянин' в конечном счете бесспорно родственно польск. *chochoł* 'чуб', семантика указывает

на ближайшую связь с прозвищем украинцев – *хохол*;

поскольку *zerza* является названием растения *Veronica officinalis* – вероники, ползучего и густоопушенного (ср. русск. *лежанка*, *лежачка* – [Даль I: 181]), то для него сомнительно родство с *žérza* ‘жердь, палка’ (< *žrdb); м.б. скорее *dbrža?;

для *jiverni* ‘истинный’, сопоставимого со ст.-польск. *isterny*, действительно вероятно народноэтимологическое преобразование, но сомнительно влияние *jiver* ‘гнев’; м.б. *věrni*?;

jurk ‘злой дух’ вполне объяснимо из *juřec* ‘раздражать’, *juřec sa* ‘злиться’ (глаголов праславянского происхождения), так что сопоставление с собств. именем *Jur* излишне;

для *jastrox* ‘вол черно-белой масти; кличка быков и волов’ избыточно возведение к дальнему *astrь ‘быстрый’; скорее это метафоризация *jaštrox* ‘ястреб’, ср. русск. *ласточка* – как кличка коров;

сомнения вызывает предполагаемое для обоснования родства *gaguš* ‘карликовая, низкая сосна’ с гнездом *žegti семантическое развитие ‘дрова’ → ‘кривые, низкие деревья, служащие топливом’; ср. в качестве возможного родственного рус. *загогулина* ‘закорючка’;

каш. *glon* ‘толстый ломоть хлеба’ и польск. *gielń* ‘кожура, скорлупа’ могут быть сопоставлены с сербохорв. *glanj* ‘мышечный узел около большого пальца руки’ < *golnъ, восходящего к и.-е. *gel- ‘круглое, шарообразное; жать, комкать’ [Петлева 1975: 43–57], что подтверждает версию Шустера-Шевца о происхождении из этого гнезда и лексической лексики.

Несколько слов следует сказать об оформлении статей. При следовании в основном принципам четкой хронологизации, принятым в I томе, иногда во II томе SEK проявляется некоторая небрежность в обращении к праславянскому уровню исследования: отсутствуют праславянские реконструкции, например, для *zarna* ‘дерн’, *žérza* ‘жердь’, *dvigac*, *žqžela*, которые были бы полезны даже при всей очевидности и необходимы при заявленных принципах; нередко в толковании образования исконого производного допускается своего рода соскальзывание с хронологического уровня кашубского на уровень праславянского, так что хронология формирования производного остается неясной – см. определение *drizdačka* ‘от праслав. *drizdati» (значит ли

это, что *drizdačka* – праслав. образование или оно образовано в кашубском от кашубского продолжения праслав. глагола?), *jadovic* ‘сердить, огорчать’ – «глагол с суф. -i от праслав. *ēdъ» (т.е. праслав. *ēdoviti?), сопоставление *domāgala* ‘быстрый, сообразительный, умный человек’ (и польск. *Domagala*) с праслав. *domokti при наличии непосредственной производящей основы – польск. *domagać*, размытые определения для *zévka* – «ср. праслав. *dēvъka *zéra* ‘дыра’ – «форма связана с праслав. *dirati, как в.-луж. *džera*, н.-луж. *žera*, ст.-чеш. и слов. *diera*». Иногда нелогично распределяется материал между статьями о родственных лексемах: так, праслав. *dudъlati упоминается в статье о *dudle*, а в *dudlac sa* дается сопоставление с польск. *dudlać* и сведения об экспрессивном *l*; *drěvac* рассматривается только в статье о производном *drěvas*.

По-прежнему думаю, что не засвидетельствованные непосредственными продолжениями, но реконструируемые по производным формы должны обозначаться двумя астерисками – ср. «от незасвидетельствованного *gagrac» (с. 168).

Авторы весьма тщательно снабжают каждую словарную статью библиографическими ссылками; более того, аккуратно фиксируется пропуск кашубского материала в статьях ЭССЯ и SP, где он был бы важен для праславянских реконструкций. Поэтому следует упомянуть, что *dojka* ‘кормилица’, действительно отсутствующее в SP, приведено в ЭССЯ [5: 55], а *dřěžžec (sa)* ‘рассветать’, сопоставляемое в SEK с *brěžgati, с замечанием об отсутствии в SP под *brěžgati, рассматривается в SP [4: 220] под *dreždžati, где и отмечена близость к *brěžgati.

Завершая обзор статей II тома SEK, необходимо отметить важную составляющую авторской работы, имплицитно присутствующую, очевидно, во всех статьях, но обнаруживающуюся в некоторых случаях – это критическое использование поморских, словинских и кашубских источников, с проверкой и правкой форм и значений, сопровождаемых весомой аргументацией: см. реконструкцию *dzemny* (вместо *dremny*), *drežen* ‘терн’ (вм. ‘дрожжи’), *dądo* ‘однако’ (вм. ‘пока’), *děpa* ‘низина’ (вм. ‘заросли, кустарника’), а также замечания о вероятности словотворчества составителя словаря (Лоренца) в ряде гнезд – см., например, *duva*.

Итак, II том SEK успешно продолжает реализацию важнейшего для славянской лексикографии в целом, для полонистики и для кашубистики этимологического предпрятия. Подтвержден высокий уровень исполнения поставленных задач и выражено не только стремление, но и реальное продвижение работы над словарем весьма энергичными темпами. Это последнее очень важно в отношении перспектив использования результатов словаря в одновременно разрабатываемых славянских этимологических словарях и как пример для славянской диалектной этимологической лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А.Е. 1997 – Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Варбот Ж.Ж. 1972 – Этимология 1970. М., 1972 – Рец.: V. Machek. Etymologický slovník jazyka

českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Варбот Ж.Ж. 1997 – Этимология 1994–1996. М., 1997. – Рец.: W. Boryś, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. A-Ć. Warszawa, 1994.

Даль В. – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. М., 1955 (= 1880–1882). Петлева И.П. 1975 – Этимологические исследования в области сербохорватской лексики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., Вып. 1–24. 1974–1997.

ESSJaz – Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1/Sest. Fr. Kopečný; Sv. 2 / Red. Fr. Kopečný H. Plevačová. Praha, 1973, 1980.

Machek V. 1968 – Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Malkiel Y. 1976 – Etymological dictionaries. A tentative typology. Chicago; London, 1976.

SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc. T. I–VII. 1974–1995.

Ж.Ж. Варбот